

Мия Петрос

**Предатель.
Врачебная ошибка**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

Петрос М.

ПЗ0 Предатель. Врачебная ошибка / Мия Петрос. – М.: Литнет, 2026. – 144 с.

ISBN 978-5-521-99057-3

Из-за нелепой ошибки в медцентре я ношу ребенка от чужого мужчины-донора. Ребенок долгожданный, и я не смогу просто так от него избавиться. Зато муж сразу же отказался от меня, выставив из квартиры с одним чемоданом. А мое место тут же заняла любимая подруга. Больно? Безусловно. Но меня больше заботит, кто отец моего малыша? И не предъявит ли он на него свои права.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99057-3

© Литнет, 2026

© Петрос М., 2026

Глава 1

– Ты знаешь, как мне был важен наследник! Это условие отца, чтобы получить долю в его бизнесе! – его голос дрожал от напряжения, а глаза горели огнем.

– Знаю, но не понимаю, что сейчас происходит... – я держалась за большой живот, который ходил ходуном, как будто пытался защитить меня от этого кошмара.

Слезы уже бежали по моему лицу, оставляя соленые дорожки. Костя постоянно на меня кричал, срывал злость. Во всех его неудачах была виновата я, и я не могла больше это выносить. Его слова ранили меня, как острые ножи, проникая глубоко в сердце. Я чувствовала себя сломленной, опустошенной.

Сейчас я вернулась с очередного скрининга. Врач подтвердил пол малыша – мальчик. Мы с мужем ждали сына, которого он так жаждал. Мы прошли ад ЭКО, но я смогла забеременеть от последней подсадки. Я сделала все, чтобы он любил меня, но, кажется, все было напрасно.

Я чувствовала, как внутри меня растет не только наш сын, но и боль, которая разъедала меня изнутри. Как мне справиться с этим? Как защитить себя и нашего ребенка от этой жестокости?

Сейчас на пороге нашей квартиры я чувствовала, как теряю опору. Пара чемоданов стояла возле моих ног, словно молчаливые свидетели моего краха.

– Костя... – мой голос дрожал, как лист на ветру.

Он сунул мне в лицо несколько бумажек с печатями, его глаза горели ненавистью и презрением.

– Это тебе на память от клиники «ЭКО»! – его голос был холодным, как сталь. – Ты носишь сына не от меня, а от неизвестного донора!

Слова мужа разрывали мою душу на части. Внутри меня все рушилось, как карточный домик. Истерика подкатила к горлу, и я едва сдерживала слезы.

– Да что ты такое говоришь... – голос сорвался, и я не смогла закончить фразу.

Муж даже не пустил меня на порог квартиры. Он стоял передо мной, как стена, его лицо было непроницаемым, а глаза – ледяными. Я чувствовала себя ничтожной, как будто больше не существовала для него.

За его спиной появилась Татьяна, завернутая в одно полотенце. Она изобразила смущение, но ее взгляд был полон торжества. Она быстро исчезла в спальне, оставив меня наедине с болью и унижением.

Костя отреагировал агрессивно, переложив на меня всю вину.

– Что? – его голос был полон ярости. – У тебя то токсикоз, то ты плохо себя чувствуешь, то лежишь на сохранении! А я мужчина! – он сунул мне в сумку документы, которые держал в руке. – Все, пока!

И захлопнул передо мной дверь. Мои чемоданы были моими единственными спутниками в этом аду.

Я балансировала на грани, и единственным человеком, которому я могла сейчас позвонить, была мама. Подругу я потеряла, а больше у меня никого не осталось. Она была моим островком стабильности, моим надежным тылом. Я не знала, что делать дальше, как жить.

– Мам... – мой голос дрожал, я с трудом смогла произнести это слово. – Костя меня выгнал.

– Господи! – воскликнула она. – Что этот ирод еще придумал?

Слезы текли по щекам, и я не могла их остановить. Я чувствовала себя опустошенной, словно из меня выкачали всю жизнь. Внутри все сжалось от боли и страха. Я не могла дышать, не могла думать.

– Мам... мне плохо... – только и смогла выдавить из себя и села, держась за стену, прямо на ступеньку лестницы в подъезде.

– Где ты? Возле квартиры? Бегу, держись!

Мама жила всего в квартале отсюда. Зная ее характер, она будет здесь через десять минут. Ее старенький «Жук», маневренный и быстрый, домчит в мгновение ока.

Главное – не начать рожать. Эта мысль пугала меня больше всего. Мне ходить еще пять недель... Я не была готова стать матерью-одиночкой сейчас, когда мир рушился на глазах.

Не понимала, что происходит. За что он так со мной? И что он имел в виду, говоря о другом отце? Вопросы крутились в голове, словно рой разъяренных пчел, которые жалили, не давая покоя.

Я не была уверена, что смогу это пережить. Мне казалось, что земля уходит из-под ног, и я вот-вот упаду в бездну. Но обещание мамы быть рядом давало мне силы. Я знала, что она не оставит меня одну.

Костя всегда был моей опорой, моим защитником. Я не могла поверить, что он мог так поступить. Что я сделала не так? Почему он решил разрушить все, что у нас было? Мысли разрывали меня на части, оставляя после себя лишь пустоту и боль.

Я сидела на лестнице, чувствуя, как холод проникал в тело, а слезы продолжали бежать по щекам. В голове крутились воспоминания: наши прогулки, наши разговоры, наши счастливые моменты. Все это исчезло, словно дым.

Совершенно не понимала, что делать дальше. Как жить, если все, что у меня было, исчезло? Как смотреть в глаза маме, зная, что я не могу справиться сама?

– Детка, вставай, простынешь! – мама уже была рядом, я даже не слышала, как она поднялась на третий этаж. – Перестань плакать. Нам нужно доносить мальчика. Подумай о ребенке.

Она понимала меня с полуслова. Ее лицо, обычно мягкое и доброе, сейчас было решительным. Мама мягко взяла меня за плечи и повела вниз. Мы вышли из подъезда к припаркованному автомобилю. Она помогла мне сесть и пристегнула ремень безопасности. Потом вернулась за чемоданами и закинула их в багажник.

– Мам... Но Костя... Как же он? И там Таня... – всхлипывала я.

– Вот тебе и ответ. Этот твой козел не пропадет. Таня не бросит столь лакомый кусок.

– Мам... Это ошибка. Мне надо вернуться, – упрямилась я.

– Сиди! А то в больницу увезу, – пригрозила она, усаживаясь на водительское место. Завела машину и, не глядя на меня, тронулась с места. – Я сейчас с гордостью могу сказать: я была права. Твой Костя – козел!

– Мам... – я начала рыдать еще сильнее. Слезы катились по щекам, и я чувствовала, что они намочили воротник водолазки.

Мама молчала, сосредоточившись на дороге. За окном мелькали дома, деревья и люди. Я пыталась представить, что сейчас происходит дома, но мысли путались. Костя... Таня... Как он мог так поступить?

Машина резко затормозила на светофоре, и я вздрогнула. Мама повернулась ко мне и, улыбнувшись, сказала:

– Все будет хорошо, милая. Мы справимся. Ты сильная, и я рядом. В этом у меня были сомнения...

Но в ее глазах я видела страх. Она боялась за меня. Боялась, что я никогда не смогу забыть Костю и найти в себе силы двигаться дальше.

В этот момент я поняла, что она тоже страдает. Страдает не меньше меня. И от этого мне стало еще больнее.

Наша двушка встречала тишиной, которую теперь нарушал лишь мой тихий плач. Кот Черныш, обычно игривый и любопытный, смотрел на меня с удивлением, словно пытаясь понять, что со мной происходит. Его глаза, блестящие и живые, сейчас казались грустными.

Усадив меня в прихожей на пуфик, мама ушла за чемоданами. Я слышала, как она передвигается по подъезду, как звенит замок чемодана, как шуршат колеса, когда она втаскивает их в зал. Все эти звуки казались далекими и нереальными.

Вернувшись, мама присела рядом со мной, сняла с меня потертанные кроссовки и бережно поставила их у двери. Ее руки были теплыми и нежными, и от этого прикосновения я почувствовала себя немного лучше.

– Пойдем, – тихо сказала она, поднимая меня и ведя к дивану. Усадив меня на него, она присела рядом и взяла мои руки в свои. – Теперь рассказывай.

Я всхлипнула и тихо произнесла:

– А нечего... Только вот это... если что-то объяснит...

Я достала из сумки смятые листки бумаги и протянула их маме. Она взяла их осторожно, словно боялась, что они рассыпятся в ее руках.

– Можно я полежу? – спросила я, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Мама всполошилась, ее глаза наполнились тревогой. Она забрала сумку и помогла мне улечься на диван. Подсунула под голову подушку, укрыла теплым пледом и гладила меня по спине, словно пытаясь успокоить. Меня знобило, и я знала, что это не просто холод. Это было чувство одиночества, страха и боли, которые я не могла объяснить словами.

– Все будет хорошо, – прошептала мама. – Я рядом.

Прикрывая глаза, я увидела, как она уходит, унося с собой сумку и документы. Дверь зала тихо закрылась за ней, оставляя меня в пустоте. Ко мне запрыгнул Черныш, его теплая шерстка и знакомое урчание стали моим спасением. Он устроился на пледе, положил голову мне на живот и громко замурлыкал, как будто пытался утешить.

– Хоть кому-то я не безразлична... – прошептала я, поглаживая его. Ладонь согревал мягкий теплый бок, но внутри меня все еще был холод предательства. Слезы закончились, а боль не утихала. Котик дарил мне тепло, которого было слишком мало, чтобы растопить этот лед.

Я уснула, выбившись из сил. Сон был тяжелым и беспокойным, как всегда, когда что-то тревожит душу. Проснувшись, я долго лежала, прислушиваясь к звукам квартиры. Сердце билось часто, как будто я все еще бежала от чего-то.

Дверь в зал была приоткрыта, и я видела, как кот, задрав хвост, уходил, словно чувствуя мое состояние. Мама что-то тихо ему говорила, ее голос был мягким, но в нем звучала нотка грусти. Наверное, она его стыдила, как часто делала, когда он шалил.

Я откинула плед и села, спустив ноги на прохладный ковер. Комната была наполнена мягким светом вечернего солнца, но он не приносил облегчения. Погладила живот, и мой маленький сынок притих, словно почувствовал мою тревогу. Я знала, что он тоже напуган слезами, которые я не могла сдержать.

Они снова тихо катились по щекам, но я не пыталась их вытереть.

Поднялась и пошла на звук маминого голоса, который слышался как будто издалека, тихий и заботливый, но в то же время наполненный тревогой. Увидев меня, она всплеснула руками, ее лицо исказилось от огорчения и боли.

— Тебе надо перестать плакать, — сказала она, ее голос дрожал от волнения. — Слезами горю не поможешь.

Мама усадила меня за стол и налила в тарелку горячего супа. Его аромат обычно действовал на меня успокаивающе, а сейчас я его совершенно не чувствовала.

Она поставила передо мной тарелку, положила ложку на салфетку, подвинула хлебницу и вазочку со сметаной. Ее движения были резкими, как будто она пыталась сделать все быстро, чтобы я не успела отказаться.

Посмотрела на суп, и меня охватила волна отвращения. Как я могла есть, когда все внутри меня сжималось от боли? Набрав в ложку бульона, с трудом заставила себя поднести ее ко рту.

Попыталась проглотить, но в горле встал ком, который невозможно было сдвинуть. Слезы снова подступили к глазам, и я, зажав рот, вскочила и убежала в ванную. Там, в тишине, упала на колени и разрыдалась.

— Если ты не перестанешь убиваться по этому козлу, я вызову скорую и отправлю тебя в больницу! — голос мамы дрожал от волнения.

В груди все еще саднило от боли и разочарования. Я была раздавлена. Казалось, весь мир рухнул в одно мгновение.

– Лучше в клинику «ЭКО», я должна рожать там по договору! – прошептала я, стараясь не расплакаться. Слезы снова начали подступать к глазам.

– Они вернули деньги за операцию, – сказала мама, тяжело вздохнув. Ее голос звучал устало. – Рожать и наблюдаться ты теперь будешь в нашей больнице.

– Почему они это сделали? – я забыла, что плачу. Вскочила с колен. Умылась холодной водой, пытаясь прийти в себя. Сердце все еще колотилось, а в голове царил хаос.

Мама тихо выругалась и, схватив меня за локоть, повела обратно на кухню. Усадила за стол, заботливо убрала еду и поставила передо мной кружку с горячим чаем. Несмотря на ее тепло и поддержку, я все еще не могла успокоиться.

– Выпей, это поможет, – сказала она мягко, но настойчиво.

Я взяла кружку дрожащими руками и сделала глоток. Мелисса немного успокоила желудок, но боль в сердце никуда не делась.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь тихим шелестом листьев за окном. Мама продолжала держать меня за руку, словно боялась, что я снова убегу. Я знала, что она любит меня и хочет помочь, но сейчас мне было так больно, что я не могла найти в себе силы ответить ей.

– Мам, где документы, которые мне дал Костя?

– Вот они, – она положила разглаженные листки на стол. – Тут говорится, что клиника очень сожалеет. Они утверждают, что сотрудники допустили ошибку при внедрении чужого материала. В тексте много воды, но они в знак доброй воли возвращают тебе все потраченные деньги. Конечно же, на счет Кости...

– Я ничего не понимаю, мам! – я посмотрела на нее умоляющим взглядом.

– Да как тут не понять? – мама тяжело вздохнула и села напротив меня. – Яйцеклетка твоя, но отец не Костя. В документе

четко прописано, что они не могут разглашать имя анонимного донора.

Я молча уставилась на стол, чувствуя, как внутри все переворачивается.

Мама сжала мою руку.

– Все будет хорошо, – сказала она тихо. – Мы справимся. Главное – это здоровье и счастье нашего малыша. А все остальное... мы переживем!

Она обняла меня, и я почувствовала, как тепло ее рук успокаивает меня.

Но в глубине души, я знала, что это будет непросто. Как теперь смотреть в глаза Косте? И как жить с мыслью, что наш ребенок не будет нашим в полном смысле этого слова?

Вопросы без ответов крутились в голове, как бесконечный вихрь.